

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ О ВЯЧЕСЛАВЕ ИВАНОВЕ

Настоящий ученик
всегда приходит к учителю со
своим содержанием, в его видимой
покорности всегда виден задор
будущего освобождения.

Н. Гумилев

Письма о русской поэзии

[1(3, 123)].

В индивидуальном «пантеоне» Н. Гумилева можно встретить много разных имен. Начиная от Пушкина и Шекспира до В. Брюсова и Вяч. Иванова. Его отношение к одним поэтам определялось сразу и навсегда. Менявшееся мнение о других может послужить зеркалом его собственной творческой эволюции. Именно поэтому представляется важным внимательно проследить развитие взаимоотношений Гумилева с Вяч. Ивановым, статьи которого в «Весках» первого периода появлялись довольно часто [см. 2, 267] и наряду со статьями Брюсова формировали мировоззрение молодого Гумилева; его лекции в «Проакадемии» наконец объяснили Гумилеву «что такое стих» [3, 204]; в полемике с ним оттачивалось мастерство Гумилева-критика, и родился акмеизм. Также в одном из писем Н. Гумилев называет Вяч. Иванова учителем [3, 233], как не раз называл и Брюсова. Но если взаимоотношения Н. Гумилева и В. Брюсова представляются понятными – учитель и почтительный ученик – то определить в двух словах отношения с Вяч. Ивановым довольно трудно. Основные вехи их отношений наметила еще А. Ахматова в своих воспоминаниях [см. 4, 3]. Существует также исследование на эту тему, но

одностороннее: «Вячеслав Иванов о Гумилеве» [см. 5]. Однако для полной картины необходимо также выяснить мнение Гумилева о Вяч. Иванове.

Гумилев попал на «башню» Вяч. Иванова в ноябре 1908г., познакомившись с С. Ауслендером. «На «башне»...каждую среду собирались все наиболее одаренные и примечательные люди той эпохи, поэты, философы, ученые, художники, иногда и политики... Эти «среды» – характерное явление ренессанса начала века» [6 (1, 177)]. Наверняка имея в виду «башню», Гумилев говорил после революции, что «культурная жизнь Петербурга накануне войны была настолько высока, что просвещенная Европа казалась ему провинцией» [7, 73].

«Вяч. Иванов был незаменимым учителем поэзии. Он был необыкновенно внимателен к начинающим поэтам...» [6 (1, 176)]. Гумилев, стремящийся учиться, не мог пропустить такой возможности. Однако он приходит к Иванову вовсе не для того, чтобы воспринять его идеи. Отойдя от «аполинического» Брюсова с его «лунно-женственными» (по выражению Гумилева [1 (3, 12)]) стихами, он идет к «дионисианскому» Вяч. Иванову, стихи которого «солнечны и мужественны» [1 (3, 12)], чтобы у него учиться мастерству (!).

Именно в этот период в общении с Брюсовым Гумилева смущали не только некоторые расхождения во взглядах на стихи, но и несоответствие В. Брюсова образу учителя. В своих письмах Гумилев все время просит конкретных указаний, просит относиться к нему «как к ученику», т.е. учить – показывать ошибки, промахи, над которыми следует работать. Но, как отмечали и другие молодые поэты, Брюсов был скуп именно на конкретные указания [см. 1 (3, 250)] и был для Гумилева скорее «покровителем» [3, 196].

Поэтому Гумилев, Потемкин и Толстой (по инициативе Гумилева) обратились к Вяч. Иванову и И. Анненскому «за наукой» [8, 104], т.е. с просьбой прочитать по циклу лекций на тему о поэзии. Заседания т.н. «Проакадемии» проходили на «башне» и из лекторов просьбу молодых поэтов выполнил только Вяч. Иванов.

«В квартире на «башне»...в ту весну...царствовала кипучая работа. Появилась большая аспидная доска, мел в руках лектора; слышались звуки «божественной эллинской речи»: раскрылись тайны анапестов, пеонов и эпитритов, «наородов» и «экзодов». Все это ожило и в музыке русских, как классических, так и современных стихов» [8, 105]. После лекции обычно читали и разбирали стихи...[см. 7, 82].

Таким образом, в период работы т.н. «Проакадемии» отношения Гумилева и Вяч. Иванова были определеннее: С одной стороны – учитель, с другой – ученик; вещающий мэтр и внимающий последователь [см. 8, 279]. Однако не стоит забывать, что этот «последователь» уже печатает критические заметки, в которых влияния Вяч. Иванова не прослеживается. (Это 6 заметок в газете «Речь» о Кузмине, Брюсове, Сологубе, Бальмонте, Ю. Верховском и А. Белом в 1909 – 1910 гг.).

Лекции в «Проакадемии» Гумилев посещал довольно нерегулярно. Так, например, согласно протоколам заседаний № 4-8 1909г. (апрель-май) в Академии поэтической, Гумилев присутствовал на 3 заседаниях из 5. А именно на 4 (14 апреля), 6 (29 апреля) и 7 (8 мая). На этих заседаниях рассматривалась структура различных форм стиха: канцона, сикстино, разные виды сонетов, ронделе, ле, терцин; строфика и стилистика поэтических произведений. В лекции по стилистике говорилось, в частности, о том, что метафора должна быть символом, а не украшением, о том, что она должна быть связана органически с образами. Также говорилось и о характере метонимии, об употреблении имен собственных, числительных. Были также 10 заповедей, которые необходимо соблюдать поэту. Первая из них, как и заповедь христиан, гласит: «Не убий...слово». К ней – примечание: «Относится к Парнасцам по преимуществу» [см. 9]. Современники особенно часто обвиняли Гумилева именно в парнализме. Но в тот период его тревожило именно то, что форме уделялось слишком много внимания [см. 3,]. Гумилев писал об этих лекциях Брюсову: «Я три раза виделся с «царицей Савской» (так Вы назвали однажды Вячеслава Ивановича), но в дионисианскую ересь не совратился» [3, 203].

В июне-июле занятий в «Проакадемии» не было: многие разъехались на лето. Однако уже в августе возобновились регулярные собрания на «башне» (Гумилев там был там 14, 17 и 24 августа). С октября 1909г. заседания переносятся в редакцию только что основанного журнала «Аполлон» [см. 1 (3, 361-362)]. И это уже ОРХС – Общество ревнителей художественного слова. Там все происходило несколько иначе, чем в «Проакадемии». Читался доклад, после которого происходили диспуты. Например, такие: доклад Ф.Ф. Зелинского о передаче русским стихом античных размеров (1910г.) [см. 7, 106], Вяч. Иванова «Заветы символизма» (26 марта 1910г.), А. Блока «О современном состоянии русского символизма» (8 апреля 1910г.) [см. 1 (3, 365)] и т.д.

Отношения Гумилева и Вяч. Иванова в этот период (1909 – нач. 1910гг.) не простые, но вполне дружеские: Гумилев часто бывает не только в ОРХС, но и на «башне», настойчиво приглашает Иванова в путешествие по Африке. В то же время Вяч. Иванов резко возражает против того, что С. Маковский позволил Гумилеву «вести в «Аполлоне» «свою линию» » [8, 48].

В конце 1909 – начале 1910 гг. будущая полемика проявляется еще лишь в частных разговорах [см. 8, 149-150], но Гумилева-ученика уже нет: он сам определяет литературно-критическую линию «Аполлона», выражает свое несогласие с Вяч. Ивановым по многим вопросам. Например, по политическим (!) [1 (3, 362)].

А 26 марта 1910г. Вяч. Иванов читал на заседании ОРХС доклад «Заветы символизма». Этот доклад положил начало дискуссии вокруг символизма, которая в конечном итоге привела к появлению новой поэтической школы. Уже во время доклада Гумилев пытался оспаривать некоторые положения Вяч. Иванова. 1 апреля, на следующем заседании, было продолжение полемики, а также произошел раскол на два лагеря: тех, кто поддерживал докладчика, и тех, кто согласился с Гумилевым [см. 1 (3, 365)].

Летом, в июле, Гумилев на «башне» после путешествия в Париж. Расхождения усиливаются. А осенью Гумилев отправляется в Африку. Возвращается он в марте 1911г. 13 апреля Гумилев прочел поэму «Блудный

сын» на заседании ОРХС, что вызвало резкую критику Вяч Иванова [см. 1 (3, 370)]

Как отмечал С. Маковский, взгляды Гумилева и Вяч. Иванова и на цели поэзии, и на стиль русского словотворчества не совпадали [см. 8, 82]. Если при этом вспомнить, что Гумилев «не отделял литературных убеждений от личной биографии» [8, 161], станет понятным отход от ОРХС и основание осенью 1911г. «Цеха Поэтов» в противовес «слишком академической» «Академии» [8, 107].

К этому же времени, т.е. к осени 1911г., относится и первый отзыв Гумилева о творчестве Вяч. Иванова. Именно об этой рецензии А. Ахматова говорила, что «чего-то в ней Вяч. Иванов никогда не простил» Гумилеву [4, 11].

Гумилев пишет, что Вяч. Иванов – «пламенно творящий подвиг своей жизни...правдиво повествует о подлинно пройденном мистическом пути» и ставит его в один ряд...с Конфуцием и Магометом, Сократом и Ницше, считая, что Пушкин, Брюсов, Лермонтов и Блок – поэты «линий и красок» [1 (3, 82)], из чего понятно, что вопрос о том, поэт ли Вяч. Иванов – очень спорный. Ведь в один ряд с Пушкиным Гумилев его не ставит, а «Пушкин» и «поэт», можно сказать, синонимы.

Уже в этой рецензии мы видим, что взгляды Гумилева и символистов на мистические образы не совпадают. Об этом Гумилев писал Брюсову в 1909-1910гг., еще тогда утверждая для себя то, что будет отстаивать впоследствии: «Мне нравится манера Ликонт де Лиля вводить реализм описаний в самые фантастические сюжеты. Во всяком случае, это спасение от блоковских туманностей» [3, 197]. «Я стараюсь расширить мир моих образов и в то же время конкретизировать его, делая его таким образом все более и более похожими на действительность» [3, 207].

Для него несомненно, что образы настоящих поэтов – «жизненные», и если совершенство образов Вяч. Иванова «зависит от их призрачности» [1 (3, 82)], то это для Гумилева явно отрицательное качество.

По мнению Гумилева, к языку «Вяч. Иванов относится скорее как филолог, чем как поэт» [1 (3, 83)] – и снова «не поэт». Слова для него, Вяч. Иванова, как и стих – «только средство», «только одежда идей» [1 (3, 83)].

В рецензии на II часть «*Cor ardens*» («Аполлон» № 6 (июль) за 1912г.) Гумилев окончательно определил свое отношение к Вяч. Иванову. Из этой рецензии становится ясно, почему окончательная оценка творчества Вяч. Иванова у Гумилева, знакомого с ним с 1908г., сложилась лишь в 1912г. «Долгое время <4 года! – Е.К.> Вяч. Иванов как поэт был для меня загадкой» [1 (3, 104)]. Здесь снова Вяч. Иванову противопоставляется В. Брюсов. Считая, что славяне «не только переход от психологии Востока к психологии Запада или обратно», но и «целый, законченный организм», Гумилев говорит о возвращении «к чистоте одного из этих типов». По Гумилеву В. Брюсов – «европеец вполне и всегда» (что, между прочим, подразумевает упорное «нет» и ему), а Вяч. Иванов – с Востока. При этом «он нам дорог, как показатель одной из крайностей, находящихся в славянской душе. Но, защищая целостность русской идеи, мы должны, любя эту крайность, упорно говорить ей «нет»» [1 (3, 106)]. Именно в этой рецензии мы ясно видим отрицание Гумилевым пути как одного, так и другого своего учителя. Он выбирает свой путь, перестает быть учеником.

Если же внимательно вчитаться не только в статьи о Вяч. Иванове, но и в заметки Гумилева о его любимых поэтах, таких как, например, Теофиль Готье, сравнив их между собой, можно понять, что и этого сравнения Вяч. Иванов как поэт не выдерживает. А при внимательном прочтении сравнение Иванова и Готье не только напрашивается после сопоставления некоторых цитат, но и прописано самим Гумилевым в статье о Готье: «Брюсов поведал нам о демонах, которые всегда с нами, Вяч. Иванов наметил певучие пути к внутреннему солнцу. И все же мы должны вспоминать, мы не смеем не вспоминать о Теофиле Готье» [1 (3, 189)]. Итак, в одной из статей 1911 года Гумилев цитирует Готье: «Ассимилироваться с нравами и обычаями страны, которую посещаешь, – мой принцип; и нет другого средства все видеть и наслаждаться путешествием» [1

(3, 189)]. В то время как в стихотворениях Иванова «чувствуется знатный иностранец, для которого необязательны законы страны, которой любит, но не любит, интересуется, но не знает и надменно не хочет перевоплощаться» [1 (3, 106)]. То есть из этого сопоставления мы видим, что метод Вяч. Иванова Гумилев не считает правильным.

Еще одна характеристика Вяч. Иванова может оставить читателей в некотором недоумении: «Их поэзия – это озеро, отражающее в себе небо, поэзия Вячеслава Иванова – небо, отраженное в озере» [1 (3, 82)]. Возникает вопрос: «Хорошо это или плохо?». Да и чего плохого может быть в том, что чья-то поэзия названа небом? Однако не будем забывать, что «озером» названа поэзия Пушкина и Лермонтова. Стоит также вспомнить поэтов «Озерной школы», о которых Гумилев писал впоследствии: «Подлинное озеро, которому Кезикское было только внешним выражением, они искали в глубине своего духа и, смотрясь в него, постигали связь между собой всего живого, близость миров невидимого и видимого, бесконечно-радостную и действенную любовь» [1 (3, 196)].

(Стоит отметить, что на данных примерах можно сделать следующий вывод: критические заметки Гумилева были далеко не сиюминутными и одномоментными, а мысли, высказанные в них – не случайными, как полагают некоторые исследователи [см. 10, 21].)

С одной стороны, рецензии Гумилева вполне уважительны, оценка творчества Вяч. Иванова высока, но под любым углом зрения, с любой из сторон стиха, которые выделяет Гумилев, Вяч. Иванов Поэтом не является. Как было отмечено выше, Гумилев в отличие от Вяч. Иванова и В. Брюсова [см. 11, 453; 531], не мог находиться в дружеских отношениях с идейным противником, которого, кроме всего прочего, резко противопоставлял своим идеалам, таким как Пушкин и Готье.

В рецензиях на последующие сборники Вяч. Иванова Гумилев все же называет его «большим поэтом, достигшим полного расцвета своих сил», однако «его индивидуальный, одинокий расцвет далек от того равновесия всех

способностей духа, которое теперь грезится многим ... Между Вячеславом Ивановым и акмеизмом пропасть, которую не заполнить никакому таланту..» [1 (3, 123)].

Таким образом, мы видим, что оценка творчества Вяч. Иванова сложилась у Гумилева не сразу, прошла ряд этапов, была обдумана, выношена и выверена, а некоторые положительные на первый взгляд оценки таковыми не являются. Следующим шагом в этом направлении может стать сопоставление взглядов данных авторов на теорию стиха, роль поэта и слова, проявившихся не только в статьях, но и в поэтическом творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Н. С. Сочинения: В 3 т. – М., 1991.
2. Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы» // Русская литература. – Л., 1990. – № 1 – С. 257 – 324.
3. Гумилев Н. С. В огненном столпе. – М., 1991 – 412 с.
4. Ахматова А. А. Автобиографическая проза // Литературное обозрение. – М., 1985. – № 5. – С. 3 – 17.
5. Вячеслав Иванов о Гумилеве (По материалам бесед с М.С. Альтманом) / Публ. Лаппо-Данилевского К.Ю. // Николай Гумилев: Исследования и материалы. – СПб., 1994. – С. 605 – 610.
6. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) // Собрание сочинений. – Париж: YMCA-PRESS, 1989. – 425 с.
7. Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. – Л., 1990. – 302 с.
8. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. – Репринт. изд. – М.: Вся Москва, 1990. – 320 с.
9. Академия поэтическая: протоколы заседаний // РГБ – Ф. № 109.42.1
10. Фридендер Г. Н.С. Гумилев – критик и теоретик поэзии // Николай Гумилев: Исследования и материалы. – СПб., 1994. – С. 30 – 55.

11. Переписка В.Я. Брюсова с Вяч. Ивановым / публ. Гречишина С. С., Котрелева Н. В., Лаврова А. В. // Литературное наследство. В. Брюсов. – М.: Наука, 1976. – Т. 85. – С. 428 – 543.